

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 7 1 августа 1943 года № 7

содержание:

Гимны Донского, Кубанского
и Терского Казачьих Войск

Друзья и враги — С. Бевад

Кубанское предместное укреп-
ление — С. Федоров

В боях у Темрюка

Исторические очерки Дона —
П. Н. Краснов

Национал-социализм и каза-
чество — А. Таманский

Сыны Тихого Дона (продолже-
ние) В. Свеколкин

Возрождение — Полковник С.
Павлов

Донские атаманы — истори-
ческий очерк

Рассказ казака — Н. Нелидов

Почему я противник больше-
визма — К. Донской

Вперед, навстречу урагану,

Былой свободы там огонь!

Как встарь, пусть встанет на кургане

Богатыря степного конь.

Адрес редакции: „Kosakenposten“ Ф.Р. № 2826

Ф. № 7030

оп. № 3

ц. хр. № 2594

Войсковые гимны

Донской

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв Свободы он.
Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив,
И, с простора долетая,
Вольный слышится призыв.

Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.

В боевое грозно время,
В память дедов и отцов —
Вновь свободно стало племя
Возродившихся Донцов.

Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины.
В час невзгоды — честь свободы
Отстоят твои сыны.

Одобен Большим Войсковым Кругом
20 сентября 1918 г.

Кубанский

Ты Кубань, Ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдоль и ширь.
Из далеких стран полуденных
Из Турецкой стороны
Бьем челом Тебе родимая
Твои верные сыны.

О тебе здесь вспоминаючи
Дружно песни мы споем
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.

О тебе здесь вспоминаючи
Как о матери родной,
На врага, на басурманина
Мы идем на смертный бой.

О тебе здесь вспоминаючи
За тебя-ль не постоять,
За твою-ли славу старую
Жизнь свою-ли не отдать.

Мы как дань свою покорную
От прославленных знамен
Шлем тебе Кубань родимая
До сырой земли поклон.

Терский

Не на тучушки ветерочки дуют,
Ой, ни дубравушка во поле шумит.
То не серые гусюшки гогочут,
Ой, по над бережком они сидючи.
Не сизые орлы во поле клекочут,
Ой, по поднебесью они летучи,
То Гребенские казаченьки,
Ой, перед Грозным Царем гуторят.
Ой, ты батюшка, ты наш царь
Иван Васильевич,

Ой, православный ты наш Государь,
Как бывало-ча ты нас, царь-надежа,
Ой, много дарил нас, много жаловал,
А теперича ты, наш царь-надежа,
Ой, чем подаришь нас, чем пожалуешь.
Подарю я вас, Гребенские казаченьки,
Ой, рекою Тереком, рекою быстрою,
Ой, все Гориничем со притоками,
От самого гребня до синя моря,
Ой, до синя моря, до Хвалынского.

ЗНАМЯ

Спрашивают, какие знамена должны быть у вновь создаваемых казачьих полков, какие эмблемы должны быть на них?

Вглядитесь в знамена германской победоносной армии, что на них, как они сделаны, как хранятся и почитаются.

Посмотрите на свои старые знамена: знамя Ермака Тимофеева покорителя Сибири; старое голубое атаманское знамя; черный гробовой полковой значек Бакланова; знамена наших полков в германскую войну, что изображено на них; на что молился казак, идя в бой, на что смотрел он, умирая на поле брани?..

Страшно подумать, какая огромная, нечеловеческая, полная лишений, опасностей и подвигов работа вас ожидает.

Перед вами необычайно трудная война и необходимая победа.

С доблестными германскими войсками она будет. Вместе с победой придет освобождение ваших родных краев.

Но что вы найдете на родных пепелищах?

Вам будет труднее и тяжелее, чем было весной 1918-го года. — Тогда край не был разорен до тла. Тогда стояли и цвели ваши станицы и хутора и не порушены были дедовские курени. Тогда были имущество и средства. Главное — тогда были люди.

Теперь — все выжжено, вытоптано, земля смердит трупной вонью и на месте станиц и хуторов торчат обгорелые трубы и лежат обломки. Ни садов, ни огородов, ни скота, ни коней. Хуже, чем

было тогда, когда первые казаки шли селиться в диком поле среди татарских становищ.

И... нет людей!!

Но, не унывайте, не падайте духом...

Работайте, делайте... не бойтесь ошибиться, ибо не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Если ошиблись: не бросайте работы, но терпеливо исправьте ошибку во время работы и не падайте духом.

Нет людей? — создайте их. Люди не рождаются, а делаются, создаются: воспитанием, обучением, терпением, выдержкой, трезвостью, отбором. Создаются чудо-богатыри работы и духа.

Вы ушли от большевиков; вы познали их глупую, подлую лживую сущность.

Станьте к ним спиной, забудьте про их дьявольскую учобу, стройте свои войска на старом войсковом основании и на новых началах национал-социализма, откиньте большевистский блатный язык, советскую грубость нравов, поже и пьянство и станьте лицами казаками!

Друзья и враги

Как по массе участвующих войск, замешанных государств, совершенству и страшной силе оружия, количеству жертв и разрушений, и, самое главное — сложности, запутанности идеологической и политической подоплеки — такой войны земной шар еще никогда не видел.

Этот факт ставит чрезвычайные требования каждому из ее участников — от главнокомандующего до последнего солдата. Эта война не такая, как все другие, прежние войны. И те из ее участников, которые думают, что можно успешно ее вести или выиграть по старинке, на основе одного лишь опыта этих прежних войн — сильно ошибаются. Эта война по своему характеру приближается к войне гражданской — только в гораздо более сложной обстановке и в масштабах всего мира.

И в этой войне, как и в гражданской, далеко не всегда легко можно отличить кто друг, а кто враг. И это вызывает одно из главных требований к каждому из его участников, и в особенности к казанам — безразлично будь офицер или рядовой. Это требование уметь отличить друга от врага в каком бы виде они не предстали. Без этого основного качества нельзя выиграть войну, которая ведется на фронте и в тылу, и часто принимает формы бандитско-партизанской борьбы.

Но и этого одного качества мало — надо всем нам уметь — и это особенно должны учесть мы, казаки — не сделать из возможного друга — своего врага. Всем нам надо лично участвовать в деле создания всеобщей, всушительной антибольшевистской силы, которая постепенно

должна включить в себя решительное все антибольшевистские элементы. Только в этом наша победа!

С одной стороны надо, вскрыв подлинного и несправедливого врага, быть к нему беспощадным, с другой — мы должны уметь понять и тех, кто по моральному и физическому принуждению или вследствие заложничества семьи, должны пока участвовать в этой войне на стороне красных. Надо уметь не оттолкнуть от себя тех из них, которые и своим прошлым и своими устремлениями в будущее — являются нашими друзьями и естественными врагами советской власти. Нам, казакам, надо помнить, что таких среди населения СССР не менее трех четвертей.

Все это наши союзники и наши друзья — и большое преступление по отношению к казачеству и всему нашему делу — если мы этого не поймем, оттолкнем их и будем смотреть на них как на наших врагов.

Мы, казаки, должны быть в одно и то же время и беспощадными и чуткими — беспощадными к врагам и чуткими к друзьям. Ибо, будем помнить, мягкость к врагу — есть жестокость к друзьям. Недостаточная же чуткость к друзьям — лучшее средство сделать их врагами.

Будем помнить: в этой войне нет середины: враг, которого мы не уничтожим — уничтожит нас; друг, которого мы не привлечем — станет нашим врагом.

Беспощадность ко всем врагам и чуткость ко всем друзьям (а их может быть много!) — должны быть качеством всех наших казачьих бойцов!

С. Бевад

Кубанское предместное укрепление

Кубанское предместное укрепление занимает совершенно особое место на Восточном фронте. По величине и значению оно превышает обычные масштабы предместных укреплений. В руках германских войск Керченский пролив и Таманский полуостров: они стоят у нижнего течения Кубани и крепко держат в своих руках Новоросийск.

Природные условия на территории Кубанского предместного укрепления необычайно разнообразны. На юге до самой Анапы простираются отроги Кавказских гор. По обеим сторонам Кубани на десятки километров тянутся болота и низменности. Все пространство Таманского полуострова к западу от линии Анапа—Темрюк покрыто озерами.

Такое разнообразие ландшафта требует эластичного и искусного руководства военными операциями при обороне и нападении. Влажная подпочва делает невозможным сооружение крупных оборонительных укреплений. Невысокие земляные доты и укрепления плохо защищают от неприятельского артиллерийского огня. Покрытые густым высоким камышом болота таят массу неожиданностей.

Кубанское предместное укрепление не только защищает от атак с востока и препятствует советским кораблям проникать из Черного в Азовское море, но и связывает, одновременно, громадное количество советских войск, оттягивая их с других фронтов. Большевики хорошо понимают, что Кубанское предместное укрепление — великолепный плацдарм для германских наступательных операций на Кавказе. Такое значение Кубанского предместного укрепления подчеркнуто в одном советском приказе: «Пока германские войска занимают Таманский полуостров, над Кавказом висит угроза постоянной опасности».

Создание Кубанского предместного укрепления было неожиданностью для советского командования. Когда весной этого года советские части двигались вслед за сокращавшими линию фронта германскими войсками, большевистское командование было уверено, что германские части эвакуируют также и Таманский полуостров. Когда же германские войска создали сильную оборонительную линию западнее Краснодара и отбили первые хаотичные атаки большевиков, советское командование приступило к развертыванию крупных операций против Кубанского предместного укрепления.

Первые удары советских войск были направлены на Новоросийск. Однако хорошо подготовленная крупная советская десантная операция южнее Новоросийска окончилась неудачей. Только отдельные отряды большевистских войск укрепились в изрезанной оврагами бесплодной холмистой местности на берегу моря. Все последующие попытки большевиков высадить новые десанты не могли изменить положения. Новоросийск попрежнему остался в руках германских войск.

После неудач у Новоросийска, большевики сконцентрировали массы своих войск вдоль железной дороги, ведущей из Новоросийска на север и насколько раз старались атаковать германские линии. Однако, несмотря на все старания, большевики не добившись каких-либо стратегических успехов, не могли захватить даже метра территории.

Тогда советское командование снова меняет тактику и переносит центр своих наступательных операций в Кубанские плавни. Германские стрелки уже давно прочно укрепились здесь на трех узких низких дамбах тянувшихся на несколько километров между Кубанью и ее притоком

Алагут. Эти-то позиции и стали объектом новых советских атак. Сначала большевики, как обычно, начали сильную артиллерийскую подготовку, а затем бросили в бой массы своей пехоты. Развернувшиеся здесь упорные бои не дали, однако, большевикам и в этом районе ни метра территории.

Потерпев неудачу в своих фронтальных атаках на Кубанские дамбы, большевики сделали попытку обойти их с фланга по болотам. Германское командование заранее разгадало этот маневр и своевременно приняло меры против советских атак через плавни.

Сейчас на Кубанском предместном укреплении, после понесенных большевиками кровавых потерь, наступило некоторое затишье, однако это вовсе не означает, что бои там закончены. Несомненно, пока существует Кубанское предместное укрепление, большевики будут попрежнему продолжать свои атаки. Однако германские солдаты понимают важность занимаемых ими позиций и все усилия советов окажутся бесплодными.

С. Федоров.

В боях у Темрюка

Темрюкский район служит северным опорным пунктом Кубанского предместного укрепления и уже в течение многих месяцев выдерживает ожесточенный натиск советских войск. Большевики то и дело бросают в бой по несколько дивизий, стараясь преодолеть непроходимые кубанские болота. Все эти атаки заканчиваются неизменным поражением большевиков. Красноармейцы, которым удается спастись от уничтожающего действия германского оружия, погибают в густой бездонной грязи кубанских плавней. В этих боях отряды кубанских казаков, хорошо знакомые с этой болотистой местностью, энергично поддерживают германские войска.

Когда несколько недель тому назад большевики попробовали атаковать Темрюкский район с моря и высадили с этой целью десант северо-восточнее Темрюка, кубанские казаки приняли участие в ликвидации этого десанта. Гренадеры и отборные казачьи части начали наступление, в то время как германская артиллерия открыла по большевикам ураганный огонь. В это же самое время германские саперы неожиданно высадились в тылу большевиков. После получасовой ожесточенной борьбы саперы и наступавшие германские и казачьи цепи окончательно ликвидировали советский десант.

В конце мая большевики предприняли еще одну десантную операцию и в бурную темную ночь высадились между двумя германскими передовыми опорными пунктами. Когда германская пехота начала при поддержке артиллерии свое наступление, смелые кубанские казаки то и дело проносились на своих быстрых конях вдоль берега и поддерживали постоянную связь между отдельными опорными пунктами. Только 7 часов удалось большевикам продержаться на берегу моря. И этот десант был уничтожен.

О Т Р Е Д А К Ц И И

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Исторические очерки Дона

Исторический край бесконечной борьбы,
Край казачества, вольности, славы,
Поблуждал не раз ты ударам судьбы,
Сын свободной великой державы...

Ты героев гнездо, где родился Ермак,
Где явился граф Платов, Бакланов,
Богатырь чародей, нагоняющий страх
На чеченцев и гордых османов...

Чулков.

I.

Давнее прошлое Юго-востока Европы. Степь. Первые ее насельники, о которых упоминает история — скифы. Греческие колонии. Город Танаиды. Хозарская крепость Саркелы. Половцы. Позднейшие раскопки. Греческие вазы с изображениями скифов.

Широкая, на тысячу верст, равнина между южными отрогами Уральского горного хребта и восточными окраинами Карпатских гор, перерезанная низовьями мощных полноводных рек Яика (Урала), Волги, Дона и Днепра — бесконечная, бескрайняя, дикая степь — «Поле», с глубокими оврагами-балками, поросшими дремучими лесами — ворота, проходной двор народов Азии в Европу.

Ни высоких гор, ни скалистых хребтов, ни естественных оборонительных рубежей. Только реки, замерзающие зимою, с низкими левыми и возвышенными, в холмах, правыми берегами. Равнина, ширь. Простор необъятный.

Весной — синь небесная наверху, синь цветочная, степная внизу. Тюльпаны, лютики... Серебристый ковыль струит седые султаны по ветру. Простор и корма для табунов диких коней, для стад сайгаков и оленей, для зайцев. В балках всяким зверем полно. По степи дудаки-дрофы гуляют, стаи куропаток, перепелов. В небе льется непрестанная сладкая песня жаворонков. По степным озерам, по речным заводям и протокам — что птицы!.. Лебеди, дикие гуси, утки всевозможных пород. Гордо в небе парят царственный орел и голубая тень от его широко разметанных крыльев дрожит на ветром колышимою траве.

Летом от нестерпимого зноя погорит степь. Никнет к земле сухая желтобурая трава. Степной пожар палом пробежит по степи, до черна выжжет землю, избороздит глубокими трещинами, щелями.

Под осень прольют дожди. Иголками зеленой яркой травы покроется погорелое место. Отдохнет, оживет птица и зверь. И вот уже готовится она к дальнему отлету. В сентябре, когда катит по степи сухое «перекати-поле» и плывет по воздуху серебряная липкая паутинка — слышно в небе глухое, будто гортанное, курлыкание журавлей, несутся их станицы на юг. Тянут гуси и лебеди, понеслись утки, исчезли, умолкли жаворонки. Глубоко зарылся в балке в берлогу степной медведь. Сайгаки сбились в стада, хоронятся в затишке. Голодный волк воет в степи. Кричат по ночам шакалы.

А когда зимою дохнет из Сибирских просторов северо-восточный ветер, закружит снежным маревом, запуржит страшными буранами — вымрет степь. Мороз прочными мостами скует реки. Толстым саваном на сажень и больше покроется земля снегом. Жизнь притаится в степи. Тощаю и гибнут табуны. Крепким копытом роют снег кони, пробивают ледяной наст, гложут замерзшую, сухую траву, лижут холодную просоленную землю.

Мертвый, страшный край. Нет в нем жизни.

Таким рисовался он древним греческим и римским колонистам — страна скифов и сарматов. Историк Геродот сказал о нем: «...в Скифии нет ничего достопримечательного, кроме рек, ее орошающих. Она велика и многочисленна»...

Конец света. Дальше — Гиперборейские страны — холод... мрак... Не отваживались идти туда ни греческий

купец, ни римский воин-завоеватель. Теснились к берегам теплых морей — Азовского и Черного. Там ставили они свои торговые города, строили военные крепости для гарнизонов.

Римские историки, описывая этот край, указывают, что населяли его скифы и сарматы. Реку Дон называют они Танаисом и в низовьях его отмечают, в 9 верстах от устья реки Мертвого Донца, между теперешними селеньями Недвиговкой и Сенявкой греческий город Танаиды.

В недавнее время, уже при большевиках, профессор археологии Г. А. Миллер произвел раскопки около станиц Цымлянской и Семикаракорской и нашел остатки большого города. Найдены были обломки керамики, по рисунку и клеймам сходные с греческими рисунками Византийской эпохи X — XII веков. Белые кирпичи фундаментов показали, что тут была большая крепость и много зданий: это остатки древнего хозарского городка Саркеллы. Хозары вытеснили до Рождества Христова скифов и стали в долине реки Дона и Донца.

Хозар вытеснили в свою очередь печенеги, затем половцы.

И ничего живого не осталось от первых насельников придонской земли. Ни людей, ни живого их языка, ни преданий, ни сказаний, ни песен, ни крови их, ни рода, ни племени.

Сухой мертвый рассказ летописцев о скифах, искусных наездниках, служивших в Римском войске и славившихся, как неустрашимая конница.

В Петербурге, в Эрмитаже хранились две художественные вазы: Чертомлыцкая, серебряная, тонкой работы, IV века до Рождества Христова, греками сработанная — и на ней изображения скифов, укрощающих диких коней и Кульобская ваза из электрона, смеси золота и серебра, — тоже греческой работы III—IV века до Рождества Христова, найденная близ Керчи, на ней тоже изображения скифской жизни.

Еще при раскопках на местах греческих колоний найдены были статуэтки, изображающие оленя, сраженного стрелой, женщин охотниц, обломки копий и стрел, женские уборы — все художественной греческой работы.

А люди? А их потомки? Их дети, внуки, правнуки — кровь отцов, скифов, гуннов, аваров, венгров, хозар, печенегов, половцев, всех тех, кто давно, давно в стародавние времена населял Донские просторы? Куда девались они? Что случилось с ними?

Одни прошли через «Великие Европейские Ворота» на запад за Карпатские горы и там осели, изменив имена и обычаи. Другие бесследно исчезли и говорят о них лишь чужая Римская история, да находят мертвые останки их ученые археологи, чуть приоткрывающие перед нами завесу прожитых веков.

Что же случилось с ними и почему они бесследно исчезли, не оставив своего семени?

II.

Нашествие татар. Батый. Разгром русских городов. Мамай. Куликовская битва. Димитрий Донской. Нашествие хана Тохтамыш на Москву. Тамерлан. Татарские цар-

ства и ханства на Востоке и Юго-востоке Европы. Татарское иго. Его последствия для Руси. Первые слухи о нашествиях.

Как сибирский зимний буран налетает на степные просторы, покрывает снежным покровом землю и убивает травы и листву, мертвит степь, так умертвили, уничтожили, без остатка избивали людей, населявших низовья Яика, Волги и Дона татарские орды, в начале XIII века хлынувшие неудержимым потоком из Азии в Европу.

В 1224-м году на хозарскую крепость Саркеллы, на ставовеще половецкие, повалили татары. Летописцы рассказывают, что от поднятой татарскими ордами пыли потускнело и затмилось солнце. Ржанье тысяч коней, рев верблюдов, крик ослов, скрип тяжелых арбяных колес, голоса людей слились в немолчный гул. Точно море шумело, ревели и билось о скалы. На небольших, крепких, выносливых конях, вооруженные саблями, луками и стрелами татары раскинулись по степи бесконечными лавами и стали ставить свои кибитки.

Они шли волнами, волна за волной, все за собой уничтожая. Хан Батый (1238 г.) пошел на Русскую землю и потопил ее в крови. Летописец бесстрастно отмечает, что в Торжке татары перебили всех жителей, в Козельске — не только все взрослое мужское население, но и женщин и детей; в Переяславле половину жителей истребили, а другую увели в плен; в Киеве от большого цветущего города осталось не более 200 домов, в окрестностях валялось бесчисленное множество черепов и человеческих костей, разбросанных по полям; в городе Ладыжине, на Буге, сдавшееся население было поголовно истреблено. Во Владимире Волынском не осталось ни одного живого человека. Церкви были забиты трупами. За один февраль 1238-го года татары Батыя взяли 14 городов, не считая слобод и погостов. Население, где могло, бежало в леса, страна обнищала и запустела.

Татарское иго нависло над Русской землей.

Прошло полтора столетия тяжелых черных лет рабства под татарами. Мамаевы орды прочно стояли в «Поле», поставили свои села-«улусы». Русская жизнь исчезла. Летописец отметил: — «где прошел татарский конь, там трава не росла»...

Враждовавшие между собой Русские князья пришли, наконец, к единению, собрали большую рать и выступили против татар. 8-го сентября 1380-го года, на Куликовом поле, на реке Непрядве, под водительством князя Дмитрия Донского Русские нанесли татарам первое поражение. Это еще не была победа, она не дала желанной свободы от татарского ига, но Русские увидели, что с татарами можно сражаться и в будущем их можно будет победить.

И еще прошли жуткие годы неволи. В 1381-м году татарский хан Тохтамыш ворвался в Москву и учинил там кровавую расправу над жителями. Историк Костомаров так описывает это нашествие: когда татары ворвались в Кремль, наполненный беглецами, «несчастные москвичи, мужчины и женщины, дети металась в беспомощности туда и сюда; напрасно думали они избавиться от смерти; множество их искало спасения в церквях, но татары разбивали церковные двери, врываются в храм и истребляли всех от мала до велика. По известию летописца, резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не иступились сабли. Все церковные сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческие товары — все было ограблено... .Наконец, город был зажжен. Огонь истреблял тех немногих, которые успели избежать татарского меча... Страшное зрелище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная

и богатая. Не было в ней ни одной живой души; кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен и пепла, и растворенные церкви были заставлены телами убитых. Некому было ни отпевать мертвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним»...

Подводя счет потерям, летописец отмечает: «погибло мало сказать — и тысяча тысяч!»

Через 14 лет, в 1395-м году на Европу, из глубин монгольских степей, с огромными силами двинулся покоритель Азии — Тимурлан. Европа замерла в ужасе, узнав о его приближении. Татары дошли до Ельца и повернули обратно.

Жуткие времена настали для южных и восточных границ Русских княжеств. Кругом стояли татарские силы, готовые каждый день обрушиться на Русь. На средней Волге утвердилось царство Казанское, по степям Яицким кочевала Ногайская орда, по низовьям Волги и на ее рукаве Ахтубе стало Астраханское царство, на Дону и Дону — огромная Золотая орда, в Крыму — Крымская орда, на Кубани — малая Ногайская орда...

Русские князья должны были платить татарам дань.

...«Свыше чем двух вековое общение с татарами», — повествует историк, — «постоянное соприкосновение с ними неизбежно привело к сильному огрубению нравов, к усвоению варварских понятий и привычек. В Средние века два христианских народа, на двух противоположных окраинах Европы, терпели иго мусульманское: русские и испанцы; но последние находились в значительно лучших условиях: мавры принесли с собой высокую культуру, оставили после себя положительный след; они содействовали развитию знания и искусства и с избытком искупили нанесенный ими материальный вред; тогда как от татар Русский народ перенял, главным образом, жестокие пытки и кнут, рабское чувство низших перед высшими, привычку к произволу. Татары глушили чувства законности и нравственного долга и надолго грубую силу поставили выше закона»...

Русская женщина была заперта в терема, семья и мужья оторваны от благого женского влияния. Одежда стала походить на татарскую. Занятые татарами на востоке и на юге Русские были оттерты от запада. На Западе в XV веке пышным цветом расцветала эпоха Возрождения — Россия как бы железной стеной была отгорожена от запада. Ни запад ничего не знал про таинственную Московию, подвластную татарам, ни Московия ничего не слышала про немецкие страны, про тамошнюю жизнь, про славные времена Возрождения наук и искусств.

Но эта шестивековая борьба (862 — 1462) России с кочевниками Азии — аварами, уграми, печенегами, половцами и монголами, бывшая величайшим бедствием Русских — является огромной заслугой Руси перед народами Западной Европы. Русские грудью своей отстояли Запад от страшных последствий татарского ига, приняв удары его на себя.

В те средневековые годы придонское «поле» носило название «Дикого Поля». Там кочевали татары, и горе было тому смельчаку, который вздумал бы проникнуть в их улусы и зажить на их земле. Там не было европейцев, не было никаких потомков скифов и сарматов — там была только татарская орда.

Кто же, однако, были «рязанские казаки», оказавшие своему городу Рязани помощь при столкновении с татарами в 1444-м году?

О ком пишет в Наказе великой княгине Рязанской Агриппине в 1502-м году великий князь Московский Иван III: «казнить тех, кто ослушается и пойдет самодурью на Дон в молодечество»?

Каких это «рязанских казаков» понимала Великая кня-

гиня Агриппина для прохода ее людей к Азову для сношений с Крымским ханом, «которые бы на Дону знали, чтобы послам ее от заполян лиха никакого не было»?

Что же это за люди были — казаки Рязанские и заполяне, бесстрашно жившие и ходившие между татар по Дикому Полю?

III

Кто такие были казаки? Отбор сильных и смелых. Жизнь в Диком Поле. Что обозначает слово казак? Как принимали всех казаки. Земля, заслуженная кровью многих поколений.

Разные то были люди, по разным причинам тянула их полная опасных приключений жизнь в Диком Поле.

Были люди, в ком «молодецкая сила живчиком по жилушкам переливалась», кого тянуло к вольной охотничьей жизни в дикой необятной стране, богатой зверем, птицей и рыбой. Хотелось в волю пополевать, поиграть со смертью в схватках с татарами и победить смерть... Так шли Русские и на Восток, в Азию, становились «землепроходцами», проходили неведомые страшные страны, доходили до Китая, бродили по берегам Ледовитого океана и открывали земли на Восточном океане. Так тянуло людей и на юг, к синему, никогда не замерзающему морю, к сказочным горам с серебряными, вечным снегом покрытыми гребнями. Там сбывалось то, что слышали они в заманчивой старой, старой сказке! Не беда, что там их в каждой балке смерть сторожила, что татарская стрела могла поразить из за каждого куста. Тем заманчивее, тем привлекательнее был поиск.

Шли те, кого сломило тяжкое горе. У кого родных увели в полон татары, у кого татары убили близких, мать, жену, детей, кому стал не мил родной дом, кому стало — «либо в стремя ногой, либо в пень головой». Размыкать горе, отомстить татарам шли они в Дикое поле.

Еще шли те кому не в моготу становились привитые татарами на Руси жестокие нравы, холопская неволя, угодничество перед боярами и помещиками. — Они шли искать вольной жизни.

Позднее, когда крестьяне были прикреплены к земле, когда круче становился помещичий произвол над жизнью крепостного раба — уходили люди от этого рабства, бежали от помещика на юг — «К казакам... На Дон»...

«С Дона» — слышали — «выдачи нет»!

Когда начались гонения за старую веру, за рукописные книги, когда Московская власть стала насиловать совесть людей, гнуть веру по своему, казнить и живьем сжигать не согласных с нею, пошли на северную окраину Дона, к рекам Хопру и Медведице, люди старого завета, потянулись и дальше — на реку Яик, становя там свои старообрядческие скиты и поселения. Твердые в вере, упорные, честные, трезвые и сильные то были новые насельники Дона и Яика.

Так и наполнился Юг России пришлыми людьми.

Какие же это были люди?...

Уже самый путь, — долгий путь пешком, или в челноке по Дону и Донцу, реже на коне, на мало обьеженной лошади, отнятой у татарина — был полон лишений и опасностей — редко кто мог его вынести. Доходили до казаков, становились казаками лишь самые крепкие и выносливые телом, самые волелюбивые, сильные и крепкие духом.

Не легка была и самая жизнь в Диком Поле. Полна лишений, тревог и опасностей. Татары были кругом. Каждый час могли наскákat, порубить, уничтожить пришельцев. Каждый час нужно было быть готовым дать отпор, вступить в страшный рукопашный бой. Нужно было держать «уши буравцом, а глаза огнищем» — все слышать и

далеко видеть. Здесь выживали только сильные, воинственные, зоркие и храбрые.

Шли почти без оружия. Разве, что засапожный нож был при путнике. Оружие нужно было достать, добыть с боя. Приходили отрепанные, больные — все нужно было получить с боя от врага татарина: — «добыть, альбо дома не быть»...

Устранялись в землянках, в камышевых городках — некогда было строить хорошие курени — да и не стоило. В одночасье пожгут их татары. Питались охотой и рыбной ловлей — «с травы, да с воды». Неделями голодали, Мерзла зимой; томилась от зноя летом. Хлеба не сеяли. Уже больше двух сот лет стояли по Дону казаки, а все был запрет сеять хлеб, а кто будет сеять, то того казнить смертью — так казаки быть всегда готовыми к бою, не думая о полях и урожаях. В песне казачьей и по сей день поется:

— «У нас, на Дону, да не по вашему —

Не сеют, не жнут, да не ткют, не прядут,

Не ткют, не прядут, а хорошо ходют...»

Как же было то, что казаки были в ту пору и одеты и вооружены и гордо говорили про себя: — «все земли нашему казачьему житью завидуют», или «у нас зипуны сермяжные — да умы бархатные»...

В огромном большинстве эти насельники Дона были Русские из Рязани и Москвы, были люди и с севера, из под Новгорода — так есть предание, что Ермак был родом из Новгорода, были и Черкасы-малороссы из Украины, приходили и поляки, и горцы Кавказа — грузины и черкесы, но главное население были Великороссы.

Но люди эти перерождались на Дону и становились только казаками.

Долгая опасная путина на Дон закаляла их. Слабые отпадали. Поворачивая назад, отставали, гибли от болезней, от лишений, голода или от татарской сабли и стрелы. Так тяжкий молот лишений и опасностей выковывал стальные души казачьи. Становились «самодурью на Дону в молодечество» лишь те, кто не испугался угрозы Великого князя Московского Ивана III, что казнят их смертью. Происходил на Дону отбор самых лучших, самых крепких, выносливых и волелюбивых людей — рыцарей — казаков.

Враг был конный. Пришлось и этим людям садиться на коня. По татарски, так же, как и по турецки легко вооруженный конный воин, без доспехов — панцыря, кольчуги и шлема назывался «гозак», или «гузак». Искаженное это слово и стало нарицательным для насельников Донских степей, и стали они называться везде и у себя и за пределами Дикого Поля — «казаками».

Когда проходили те люди линию сторожевых Рязанских крепостей и засек, вступали в Дикое Поле и пробирались узкими тропками на юг, или плыли на челне в скором времени окликал их громкий голос с вышки и слышался могучий посвист:

— Гей! Что за человек?

— Человек я Божий, — отвечал обычно пришлец, — обшит я кожей, крыт рогожей.

— Гей!... Сам вижу. Чего пришел искать?

— Счастя пришел я искать. Воли Божией, у вас, у казаков, у вольных людей.

— В Бога веруешь?

— Верую. Его молитвами и дошел.

— А ну, перекрестись!

И крестились все, кто приходил на Дон и Русские православные с Русскими именами и прозвищами и иных

земель люди — Грековы — выходцы из Греции, Татары-новы и Татаркины — пришельцы от татар, менявшие магOMETанскую веру на вольную казачью жизнь, Грузиновы, пришедшие из далекой Грузии, Персияновы из Персии, Черкесовы из черкесов, Сербиновы и Себряковы из сербов, Миллеры из немецкой земли, Калмыковы из калмыцких кочевников, Мещеряковы из мещерских татар, Поляковы и Яновы из Польши — всех обламывала казачья удалая жизнь, все равно становились Донскими казаками и забывали откуда и каким ветром занесло их предков на Тихий Дон в Дикое Поле.

Сильный, многочисленный неистовый и жестокий враг был кругом. Бывали годы, когда в борьбе один на сто выбивалась сила казачья. Какая нужна была дисциплина, какое подчинение своему атаману-вождю, чтобы устоять в страшной неравной борьбе, какое нужно было товарищество — все за одного и один за всех, чтобы отстоять свое право на жизнь на Дону!

Вся Донская земля, каждый городок казачий от самого верху, от Хопра и Медведицы, до низовьев Дона и Донца, до турецкой крепости Азова была густо залита кровью

казачьей, каждая пядь земли была завоевана, заслужена большими победами и подвигами — подлинно кровью предков купленная земля, навеки нерушимо казачья земля!

— «Не сохами-то славная земляшка наша распахана,
Распахана наша земляшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земляшка казацкими головами...
И еще поют казаки про свой, про Тихий Дон:

— «Но и горд наш Дон, Тихий Дон, наш батюшка;
Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить, не спрашивал.

А с Туретчиной по потылице пашкой острою век
здоровкался,

А из года в год, степь Донская, наша матушка,
За Пречистую Мать Богородицу, да за веру свою
православную,

Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала
с супостатами»...

П. Краснов

(Продолжение следует)

Все рождено тут огнем и тревогой,
Смерть не приносит с собой для них страх.
Гордый свой дух подчинили лишь Богу,
Смелость — судья им в их бранных делах.

Национал-социализм и казачество

Национал-социализм в Германии создавался не для «экспорта» в другие страны, а исключительно для германского народа. Однако это движение уже переросло национальные рамки.

Казачество особенно живо воспринимает идеи национал-социализма. Причины этого — в истории казачества.

Что такое современный национал-социализм?

В противоположность пресловутому большевистскому социализму, — это настоящий социализм, создающийся на национальной основе. Он означает благосостояние всего народа.

Чужда ли казачеству идея заботы о своем благосостоянии, а, следовательно, и идея национал-социализма?

Нет! Эта идея всегда была руководящей в его общественной жизни.

Основой национал-социализма является утверждение, что интересы коллектива выше личных, польза общественная выше пользы личной. Государство должно проявлять непрерывную заботу о благосостоянии народа. Оно служит средством, сохраняющим нацию, как расовое объединение, связанное единой культурой, единым языком, историей, ясным сознанием принадлежности к одному расовому ядру. Во главе государства должен быть поэтому человек органически связанный с нацией, истинный сын своего народа, выразитель его стремлений, дум и чаяний. Такой вождь должен быть лучшим из лучших, человеком высшего ума. Он абсолютный авторитет с абсолютной ответственностью. Он отвечает только перед своей совестью и перед историей.

«Вождизм» должен пронизывать весь народ сверху донизу. Кроме верховного вождя, во всех областях общественной жизни должны быть свои вожди, находящиеся в соответственном подчинении друг другу. В основе идеи «вождизма» лежит принцип отбора лучших, наиболее преуспевающих. Таким образом, создается своего рода «аристократия» по личным качествам, личным достоинствам, следовательно, в конечном счете, по их способностям дать как можно большее полезного для народа. Трудовой отбор способнейших и преуспевающих — вот принцип создания новой аристократии. «Мы, — говорит Адольф Гитлер, — против демократии, но за аристократию, как когорту лучших». Борьба политических партий, безответственный парламентский строй при «вождизме» недопустимы. Вместо парламента у вождя могут быть советники по различным областям народного хозяйства и культуры.

Принцип «вождизма», в основном, соответствует духу старых казачьих порядков. Вся история казачества создавалась сильными личностями — атаманами. Только атаман мог быть абсолютным авторитетом с абсолютной ответственностью, только он мог иметь всю полноту власти. Атаман воплощал в себе все казачье сословие, его интересы, стремления, желания. Он был душой всего казачества.

И в казачьем коллективе принцип «вождизма» выдерживался сверху донизу.

Между существенными принципиальными положениями национал-социализма и важнейшими особенностями старого казачьего общественного порядка есть и другие общие черты.

В одном из параграфов программы национал-социализма сказано: «Правами гражданства могут обладать только

то дети (соплеменники) германского народа, а таковыми могут быть только лица германской крови, независимо от вероисповедания. Ни один еврей не может быть поэтому сыном германского народа». Для получения прав гражданства недостаточно родиться в Германии. Эти права нужно заслужить преданностью интересам германского народа и активным духовным или физическим творчеством на благо всего коллектива.

Казачество издавна придерживалось этого принципа. Полными правами гражданства могли пользоваться только те казаки, которые были преданы интересам казачества. В евреях казачество всегда видело только разрушительную силу. Поэтому ни один еврей не мог пользоваться правами гражданства. Больше того, казачество не допускало евреев на свою территорию.

«Первым долгом всякого гражданина является духовное и физическое творчество. Деятельность одного не должна нарушать интересы общества, но должна протекать в рамках целого и для общей пользы. Поэтому мы требуем уничтожения всех нетрудовых доходов и уничтожения долговой кабалы», — говорит программа национал-социализма.

В казачьем коллективе лентяи также были нетерпимы. Для каждого казака святой обязанностью был труд, направленный на общее благо. Казачество вело беспощадную борьбу со спекуляцией и незаконным обогащением. Эта борьба, в первую очередь, была направлена против еврейства, как силы, разлагающей здоровый казачий организм.

Программа национал-социализма требует обеспечения стариков, инвалидов. В казачьей среде это практиковалось, хотя в примитивной форме, но в самых широких размерах. В Запорожье и на Дону социальным обеспечением инвалидов, больных, стариков ведали войсковые монастыри, этой же цели служила взаимная помощь путем института «односумства», общественные засыпки зерна на случай оказания помощи нуждающимся и т. п.

Одним из параграфов программы национал-социализма устанавливается строгий контроль за продажей и куплей земли. Спекуляция землей категорически запрещается. Известно, что и казак издавна не имел права продавать свой надел. Уже это обстоятельство устраняло возможность спекуляции землей.

Таковы общие черты национал-социализма и старого казачьего уклада. Побитно, почему казачество живо воспринимает идеи национал-социализма. Но не следует делать поспешные выводы. Нельзя полагать, что национал-социализм, возникший на германской национальной почве, можно механически перенести в казачью среду. В будущем мы возьмем от германского национал-социализма все то, что не противоречит особенностям нашего духовного развития, что естественно вытекает из недр казачьего уклада.

А. Таманский.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О РОЗЫСКАХ
родных и знакомых, работающих ныне в Германии, следует направлять в газету „ТРУД“:
Zeitung «TRUD» («Die Arbeit»), Magazinstr. 15/16, Berlin C 2.

СЫНЫ ТИХОГО ДОНА

ПРОДОЛЖЕНИЕ*)

Глава XI

Смеркалось. Высоко в небе пролетала стая гусей. Летели они без строя — видно, война и у них нарушила обычный порядок, когда не раз приходилось перелетать фронт. На горизонте показался самолет. Увидя его, стая с криком поднялась ввысь и полетела дальше, покидая негостеприимные для нее донские займища и водные просторы.

Мы вошли в конюшню, устроенную по случаю эвакуации на самой территории завода. Там стояли, в полной упряжи, четыре лошади. В яслях спал дежурный конюх, которого Иван с трудом разбудил. Он оказался пьяным. Рядом, в помещении для фуража, стояли две большие бочки вина. Конюх поднялся, молча направился к бочке, опустил туда резиновый шланг, потянул из него вино, и затем доложил Ивану, что все в порядке, лошади напоены. Домой он не идет, остается здесь и, указывая на нас, попросил Ивана напоить нас вином, а сам завалился снова спать.

— Вот уже третий день, как не выходит из конюшни и из пьяного состояния — сказал Иван. — Все поджидает немцев и седло уже украл две недели тому назад, спрятав его в надежном месте. Он офицер, в гражданскую войну до подъесаула дослужился, в ссылках побывал, два раза бежал из них. Боевой старый казак. У него есть сын, лейтенант, окончивший Новочеркасское кавалерийское училище. Рассказывал мне подъесаул, как сын его в отпуск приехал к нему после производства. Приготовил, говорит, я к тому дню много вина, закуски, созвал к себе в гости чуть ли не всех казаков с хутора. Вытащил он запрятанные иконы, старые фотографии, портрет атамана Краснова и развесил все это по стенам залы. И свой портрет повесил в офицерской форме, с крестами и орденами — он, ведь, георгиевский кавалер, бантист. Свое прошлое он скрывал, отдал сына в военное училище и до самого его приезда связи с ним не держал, не переписывались вовсе. Вот выдержка у человека! Посадил он сына в углу, под иконами, разлил гостям вино, и с бокалом в руках обратился к сыну с приветственной речью: — «Дорогой сын! Я, твой отец, верный сын Тихого Дона и всего казачества, обращаюсь к тебе от своего имени и от имени всех собравшихся здесь твоих хуторцов. Прими к сердцу мои слова и исполни мою просьбу, как и мы, старики, выполняли наказания своих родителей. Спасибо тебе за успешное окончание военной школы. В стенах школы ты провел лучшее и неповторимое время своей жизни. Ты изучил лошадь, винтовку, тактику и прочие военные науки, научился работать шашкой, но кроме этого, тебе еще ежедневно вбивали в голову о том, что ты будешь биться «за нашего родного Сталина и за счастливую жизнь». Сам ты видишь, во что мы превратились при этой власти. Они хотели сделать из тебя машину для защиты их благ и их интернациональных идей, но, дорогой сын, если советская власть научила тебя хорошо владеть оружием, то я тебя научу, на кого это оружие надо направить. Благословляю тебя иконой Спасителя, которой благословлял меня мой отец. Теперь слушай дальше. Вся Европа объята войной и ты теперь становишься ее участником. Для спасения казачества, для уничтожения жидовско-большевистского строя на нашей родине, ты и твои товарищи-казаки долж-

ны перейти на сторону Германских войск и вместе с ними бить большевиков и тем скорее закончить войну для блага нашего народа и возрождения нашего дорогого казачества. В добрый час, сынок!»

— А теперь, Александр Владимирович, заканчивая свой рассказ, покажу Вам любопытный документ, — сказал Иван и осторожно вытащил из кармана спящего распечатанный конверт.

Петров развернул бумагу и начал читать вслух:

Гражданину Воинову, Ивану Васильевичу.
Народный Комиссариат Обороны Союза ССР. Главное Управление формирования и комплектования войск Красной Армии.

Отдел учета персональных потерь.

23. VIII. 1942 г. № 036/7879. Москва, ул. Фрунзе, 19.

Сообщаем, что ваш сын, Михаил Иванович Воинов, бывший старший лейтенант, оказался подлым врагом и

Войсковой собор. Снимок 1942-го года. Сняты кресты и сорвано листовое золото с куполов.

изменником. Он перешел на сторону немцев и создал на своем участке такую обстановку, что фашистские войска окружили и забрали в плен часть, в которой служил ваш сын. За это, по окончании войны, он будет предан суду и понесет заслуженную кару.

Старший помощник начальника отдела,
Интендант 1-го ранга Лузин.

Мы покинули конюшню и пошли посмотреть провода — их уже оказалось не два, как при первом нашем посещении цеха, а четыре. Я забрал спрятанные заранее инструменты, а Петров спустился в щель, освещая путь карманным электрическим фонарем. Когда я спустился к нему, то застал его за осмотром адской машины. Она оказалась совсем простой конструкции. Небольшая сегментная шестеренка прикреплена к корпусу снаружи, к ее валу приделана ручка и ниже, маленькая цельная шестеренка, соединяющаяся при работе с сегментной шестеренкой. Машина, дающая при обороте сильную искру, прикреплена к дощатому настилу. При внимательном изучении машины, оказалось, что вследствие ее небольшой мощности, цех предположено взорвать отдельными участками, присоединяя по мере надобности эти провода.

— Мы заминируем эту машинку — сказал Александр Владимирович. — Ты, Андрей, пройди в цех и сними

*) См. № 4, 3 и 6 «На Казачьем Посту».

одну шашку, а я в это время подготовлю минирование машинки.

Петров снял доску настила, выкопал неглубокую яму, положил туда принесенную мною шашку, поправил на ней шнур. Ямку прикопали землей. Петров уложил в щель доску, на свое место, пропустил шнур и соединил с контактом.

Таким образом, машина была заминирована и теперь полетит в воздух не завод, а тот, кто посягнет на его взрыв. В дополнение к этому мы перерезали провода, изолировали стыки и замаскировали их. Работа была закончена.

— Ну, теперь в награду можем пойти и вина стакан выпить! — сказал обрадованный благополучным завершением первой задачи Петров.

Из конюшни выходили сильно подвыпившие охранники. Мы подождали пока они пройдут подальше и за-

Новочеркасск. Триумфальная арка у Петроградского спуска.

тем вошли в конюшню, где нас встретил проснувшийся и проспавшийся уже Иван Васильевич. Мы познакомились, и он первым делом счел рассказать, что вчера вечером агенты НКВД уложили в компрессорной взрывчатый материал и провели к нему шнуры. Он, догадавшись, конечно, в чем дело, решил помешать им, позвал к себе охранника-казака, напоил его и затем они вдвоем сняли шашки с компрессоров и сложили их в пожарной кадке с водой. Провод смотали, оказалось его пуда три, и спрятали его в одной яме.

— Молодец, Иван Васильевич, — похвалил его Петров. Казаки так и должны делать, чтобы спасти достояние Донского казачества. Вы настоящий донской патриот.

— А теперь, Александр Владимирович, — продолжал Воинов, — всех охранников за бока берут. Вы, дескать, ночью не смотрите как кругом враги орудуют, кто снял шашки там-то и там-то. А дело то в том, что и сами охранники против взрывов и когда их напаяваю вином, так сами говорят, пусть, мол, добрые люди снимают заряды, мы ничего не будем замечать. А позавчера кто то в стальцеке за одну ночь снял все шашки и их никто не может найти теперь.

— Это наша работа, Иван Васильевич. Шашек и не найдут, хотя мы их никуда не увозили и они остались в цеке.

— Вот это казаки. Bravo. А мне час тому назад передали повестку идти на фронт. В сына своего, значит, стрелять приглашают. Ну, пусть они теперь на меня не пеняют.

Иван качнул в ведро изрядную порцию вина и осторожно понес его, чтобы не расплескать, за перегородку и поставил в угол.

— Рассаживайтесь, казаки, в наших хоромах, сюда никто к нам не заглянет. А Иван Андреевич угостит нас сейчас из скромной посуды, чем поют лошадей. Я считаю, что эта норма вполне умеренная, одно ведро вина на четыре казака, ну, а ежели будет недостаток, качнем еще. За это вино нам все равно не отчитываться и мы пасемся над ним как хотим, на халтуру.

Вино оказалось хорошим и мы изрядно подкрепились. Иван Васильевич на этот раз пил мало.

— Мне оно, господа казаки, надоело. Третий день над ним скучаю.

Глава XII

С завода мы прошли к Петроградскому спуску. У места где стояла разобранная теперь Троицкая церковь, мы остановились. От быстрого хода устали. Петров посмотрел на часы — было восемь часов. Мы закурили и увидели стоявшую с правой стороны дороги трехтонную машину, доверху нагруженную чемоладанами, аккуратно опоясанными ремнями. Из кабины вылез толстый еврей.

— К черту Абрам! — кричал еврей. — Не можешь крутить, так брось. Не мешай мне учиться. Если мы все будем браться за машину, то никогда отсюда не уедем.

К нам подошел один гражданин, попросил прикурить и, затянувшись махоркой, указал рукой на машину и со смехом закашлял:

— Зашто-о-опорились! С полночи открыли здесь курс шоферов. Все спорят, кому первому научиться управлять машиной, а никто из них ни бельмеса в этом деле не понимает и не знает.

— А где же их шофер?

— Сегодня ночью сбежал. Подвез их вот к этой круче, остановил машину, и, когда все уснули, зажал тормозы, снял свечи и смылся, оставив в кабине записку: «с тысяча девятьсот сорок первого года я навеки перестал возить вонючих жидов». И подписал ее — Игнат Иванович Клепиков.

Вот этот толстый жид мне и пожаловался на того шофера. Он за две свечи мотора заплатил две тысячи рублей. Один молодой человек посоветовал им бросить свое добро и не пожалеть денег на добрый кусок свиного сала, чтобы основательно подмазать цятки и способом пешего хождения добраться не только до Урала, а и до самого Северного полюса. А то, говорит, связались с машиной, а с нее толку, как с козла молока. Сегодня шофер уйдет со свечами, завтра пружина какая нибудь ломается, а там, смотришь и немец тут как тут. Действовали бы по моей методе, давно уже основали бы свою республику на Северном полюсе.

— Сейчас здесь нет того еврея, который погнался с палкой за этим гражданином, с криком — Шпион, мерзавец! Заберу в НКВД! А молодого человека и след простыл.

Вдруг, издалека послышался тяжелый, с ровными перерывами, гул самолета. Люди уже привыкли по звуку различать свои самолеты от чужих, и начали разбегаться по дворам и прятаться. Самолет прямо перед нами. Гул мотора стих. Он медленно повернул влево и, по полотну железной дороги, пошел на спиженье. Отчетливо было видно, как одна за другой отделились от него три грузовые капли и мгновенно исчезли из глаз. Послышалось три резких сильных взрыва на станции Хотунок. Вверх медленно поднялась большая гора земли, за ней вторая и третья. Исковерканные полосы рельс и шпал были отброшены в разные стороны. Кругом жуткий свист и грохот. Одна бомба разорвалась недалеко от вокзала Хотунок, а другая попала прямо в здание, пробил крышу и упала, неразорвавшись, в кабинете начальника станции. Скорострельная зевитная пушка дала несколько

очередей, как из пулемета. Самолет раза два качнул крыльями и полетел дальше.

—:~:—

На Московской улице мы встретили большую партию, человек пятьсот, рабочих, прибывших на оборонительные работы. Кроме местного населения, их в городе тысяч тридцать. Это — сталинские питомцы второго сорта, если первым сортом считать мобилизованного русского человека, полураздетого и голодного. Эти же люди почти совсем голые, изорванные, в самодельных чунях из сыричной кожи, распухшие от голода. Они медленно шли по улице с грязно-черными лицами. В руках у них тяжелые железные ломы и заступы. Головы закутаны разными тряпками. Едят они, что Бог пошлет, из самодельных ведерок и после работы загоняют их в пустые холодные помещения. Им запрещалось входить в соприкосновение с местным населением, но, обычно, это распоряжение нарушалось и они ежедневно ходили по дворам просить хлеба у сердобольных Новочеркасцев. Почти каждый день из их помещения по утрам вывозились трупы замерзших, умерших с голода и покончивших самоубийством. Мы разговорились с одним из них. Он оказался донским казаком.

— И-я, братцы мои родные, станичники, много я перенес! Вот уже который год таскаю эту ношу, — указывает он на лом и висящий у пояса топор. — Исходил всю Сибирь под конвоем. Канал, братцы, Сталина стоит на костях казаков. Никогда не забуду как умирали у меня жена и шестилетняя дочь. Я попросился у начальства пойти покормить их. Мне был дан пропуск при условии отработать за день тройную норму, а пропуск был написан на... обручке трехметрового толстого дерева. С этим бревном я должен был идти десять километров и предъявить его на квартиру своему начальнику.

Он меня обругал, что принес небольшое бревно, заставил еще дров ему нарубить и потом отпустил к семье, в землянку. В землянке я нашел обонх уже мертвыми. Я пошел к начальству просить гвоздей и леса чтобы сделать гроб и похоронить их вместе. Меня же, за то что шатаюсь без дела, отравили под конвоем переливать воду из одной полонки в другую, при шестидесятиградусном морозе... Там уже работало сто таких «преступников» как я, да душ двенадцать лежало около, расстрелянные конвоирами.

— В землянку я попал на другой день, но трупов там уже не было. Сторож сказал, что их собаками сволокли в лес. Я усталый, обмороженный, еле двигаюсь от истощения. Поплелся в лес. Толстый покров рыхлого снега лежал повсюду ровным слоем. Глубокая борозда, прорезанная телами моих родных, вела меня в глухую чащу. Я дошел до поворота и передо мной открылась кошмарная картина: труп жены лежал на боку без рук и без ног. Шагах в двадцати от нея я обнаружил и мою девочку в таком же виде. Я догадался, что их съели ссыльные. Я долго стоял и рыдал, и потом до полуночи копал могилу в снегу. Грунта раскопать я не был в силах.

...А теперь привезли нас сюда, чтобы защищать свою родину и нашу светлую, зажиточную жизнь...

—:~:—

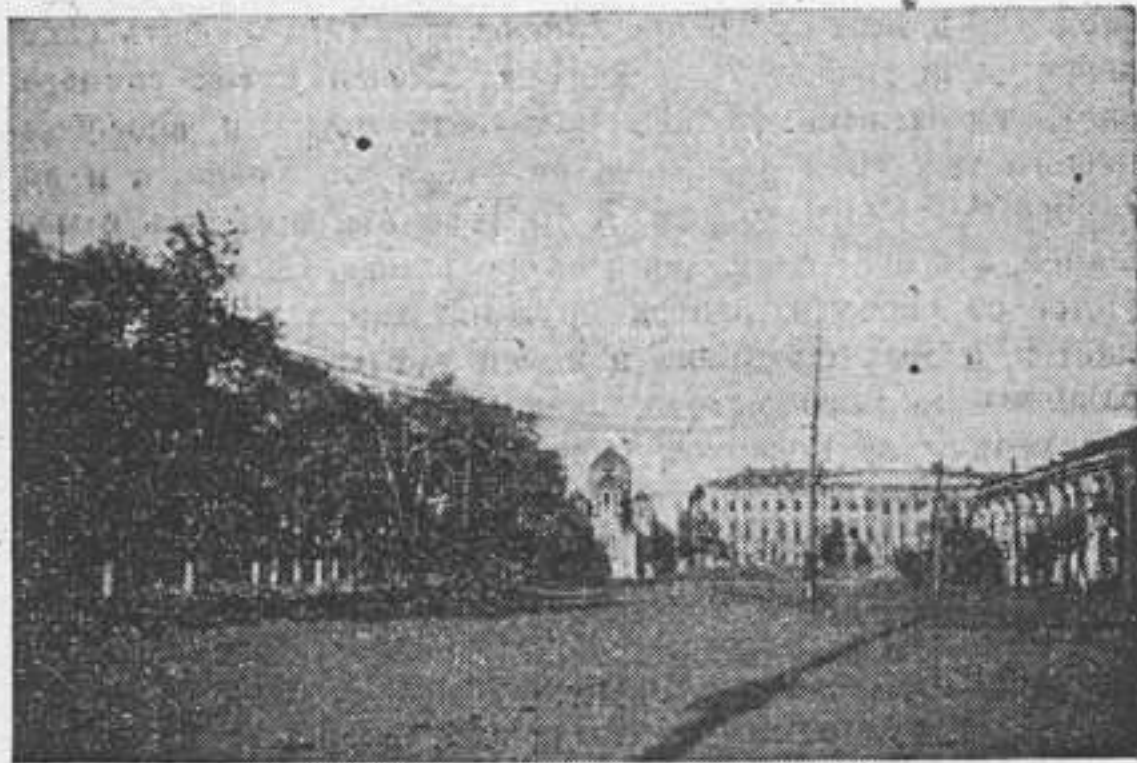
По Комитетской улице я вышел к собору. Вот и памятник Ермаку. Могучий, строгий и стройный стоит он на гранитном постаменте. На верхушке бронзовой шапки ярко отсвечивает белизна снега.

Послышался частый залп тяжелых орудий. Гул их доносится как бы из самых недр земли. Колебание земли чувствует и Ермак, как-бы радуясь приближающемуся освобождению его Дона от большевистских цепей.

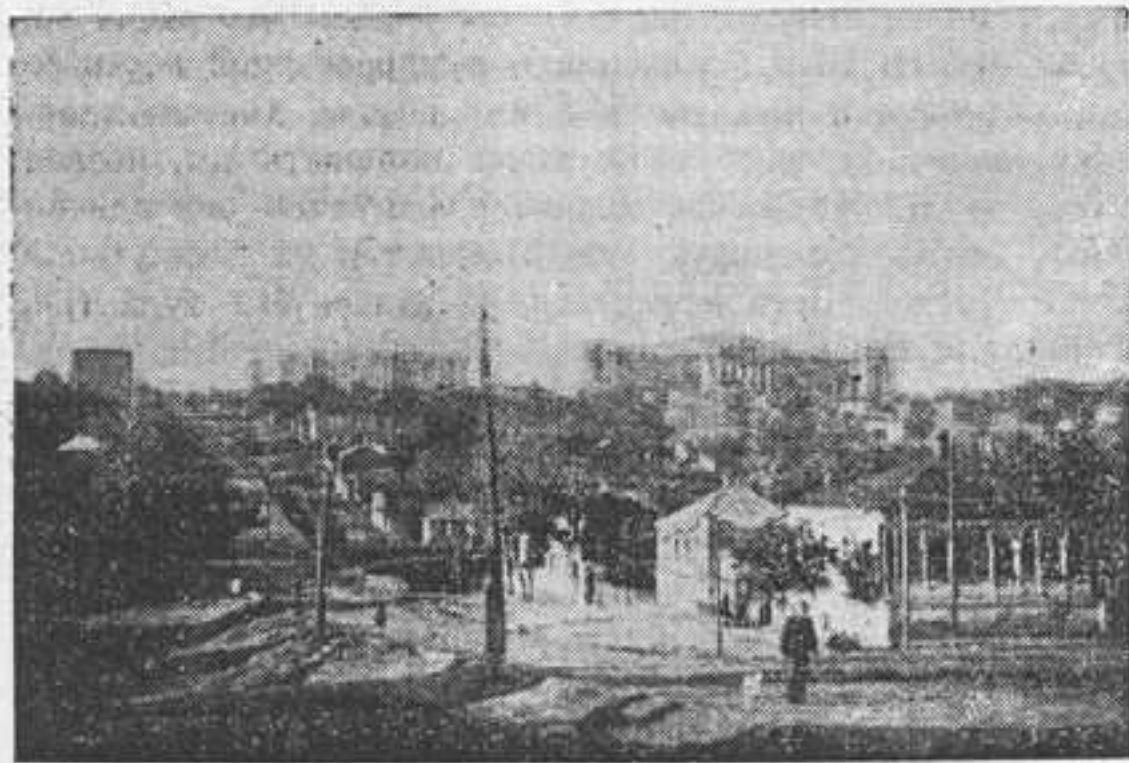
Германская армия приближалась к Новочеркаску...

В. Свеколкин

Новочеркасск наших дней

Платовский проспект.

Вид с Михайловской улицы.

Возрождение

Годы первой гражданской войны отчетливо показали лицо казаков, как самых активных борцов с большевизмом. И эта борьба породила взаимную ненависть между казачеством и большевиками. За время советской власти значительная часть населения казачьих областей оставила свои родные курени и рассыпалась по городам, скрывая свое прошлое и казачьи имена. Десятки тысяч казаков были сосланы и расстреляны. Только мрачная

тайга Сибири была свидетелем всех жертв кровавого Сталина, который беспощадно уничтожал славных потомков Ермака.

Казачьи земли покрылись сетью советских колхозов с новым контингентом населения. Исчезла вольница, а с ней и все, что воспитывало казака, внушало ему удачу славу. Берега Дона опустели.

Так было до июня 1942 года, когда вдруг грянул взрыв.

Брошенная большевиками столица Тихого Дона — Новочеркасск — зажила новой жизнью. Гордый Ермак на Соборной площади, держа казачье знамя, как будто благословлял донцов на боевые подвиги. Как братьев приняло население немецких солдат.

С первых дней образования Городской Управы на улицах заметно выделялись из обычной гражданской среды изнуренные лица с отпечатком твердой воли и долгих страданий; их становилось все больше и больше, этих невиданных ранее людей. То были — донские казаки. Они направлялись в свои родные станицы и хутора, возвращались на родину. Стихия воинственности, злобы и мести всколыхнула донские волны и положила начало казачьего сполоха.

Приехавший в Новочеркасск комендант капитан Эллинг принял в августовские дни казачью инициативную делегацию. Вскоре заменивший его полковник Левениг активно содействовал образованию штаба Войска Донского в г. Новочеркасске. Этим было положено начало новой исторической борьбы казаков против большевизма. Из штаба Войска Донского, из столицы Тихого Дона, был впервые объявлен в августовские дни первый боевой казачий сполох. В штабе сгруппировались первые донские офицеры и начали свое великое казачье дело.

Призванные первые добровольцы станицы Заплавской, Бессергеновской, Мелеховской, Раздорской и Семикаркорской в составе 220 казаков прибыли в Новочеркасск на конях и принесли присягу у памятника Ермака. Этой присягой было положено начало организации конного казачьего дивизиона, переданного войсковому старшине Шведову.

Оголенные большевиками станицы и хутора с каждым днем пополнялись новым притоком скрывавшихся ранее казаков.

Среди стариков был слышен разговор об атамане Краснове, что был он большим казачьим патриотом, умел ценить своих союзников в лице германского командования в 1918 году и что, очевидно, он — Краснов и сейчас «прислал своих старых соратников — немцев, чтоб спасти наш Тихий Дон».

Казачья молодежь чутко прислушивалась к старикам. Родная стихия заговорила в их крови. Оставшиеся во многих случаях без отцов, матерей, братьев и сестер, ждали сигнала к борьбе. И это время наступило. Появление первых донских офицеров в старой казачьей форме вызвало энтузиазм и военный подъем. Каждый казак из сил выбивался, чтобы достать себе казачью форму — олицетворение казачьей вечной военщины, которая создала имя и славу казакам. Станицы, услышав о штабе, о призыве атамана Краснова, быстро взялись за восстановление церкви. И когда офицеры штаба, по вызову капитана Эллинга, прибыли в Каменскую, Гундоровскую и Калитвенскую станицы, они были встречены церковной службой. Чтение призыва генерала Краснова и родной призыв казачьих офицеров глубоко проникли в казачьи сердца. Потянулись ряды добровольцев и донская песня все вольней полилась по станицам и хуторам.

Благодарность к своим освободителям впервые ярко сказалась в хуторе Митине после первого молебна и скромного казачьего угощения, где присутствовали новочеркасский фельдкомендант полковник Левених, советник Рихард и много германских офицеров.

Последующие престольные праздники в каждой станице отмечались встречей казаков с германскими представителями. В речах казаков ярко сказывалась благодарность немцам за освобождение от большевиков.

Настал день 14 октября 1942 года — традиционный праздник Донских казаков в Старочеркасском урочище, где 333 года тому назад были похоронены герои «Азовского сидения». С вечера 13 октября из Новочеркаска рысью продвигалась по займищу конная казачья полусотня с начальником штаба, на автомашине промчался духовой оркестр. Заброшенный большевиками «старый город» ожил и здесь впервые за 23 года владычества большевиков раздались звуки казачьего войскового оркестра, дышащие вольностью казачьи песни.

С 7 часов утра у Старочеркасского собора выстроилась Грушевская казачья добровольческая сотня, спешенная конная полусотня с войсковым оркестром. Начальником штаба была произнесена следующая речь: «От лица донских казаков штаб Войска Донского передает казачий привет населению старого города и поздравляет его с освобождением от власти большевизма, победоносными союзными германскими войсками!»

Дружное «Ура» было подхвачено исполнением казачьего гимна: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон». В это время подехал из Ростова полковник генерального штаба Финк с германскими офицерами и принял приветственную речь начальника штаба. Едва закончилось громкое «ура», начальником штаба была продолжена речь: «23 года власти большевиков, ломая казачьи устои, уничтожали былую силу казаков мерами жестоких репрессий. Казаки и донские крестьяне, сравнивая былую и настоящую жизнь, ясно понимают все жестокости большевиков: исчезнувшие казачьи курени, заросшие бурьяном и исчезнувшие левады и виноградники, отсутствие в семьях отцов, или братьев, сестер и матерей, страдальчески погибших в ссылках, в далекой суровой тайге — вот следы борьбы на Дону, Кубани и Терреке за 23 года власти жидов и коммунистов. Вместе с казаками было подвержено подобной расправе и честное иногороднее население казачьих областей. Настал час, когда сила славного германского оружия сломала оплот насилия и разоренные и бежавшие казаки и крестьяне стекаются обратно в свои родные станицы. Вечная память славным борцам за казачье дело, погибшим от рук жидов и коммунистов».

Казаки сняли головные уборы и под звуки оркестра «Коль славен» опустили со слезами на колени.

После литургии построились ряды казаков с войсковым оркестром. Население спешило на старое урочище. Вдоль Дона промчалась конная казачья полусотня с начальником штаба, адъютантом и аксайским атаманом есаулом Евстратовым. Молодые казачата в возрасте 7—10 лет скакали охлопью, перегоняя всех и стараясь равняться по конным казакам. Множество подвод и машин двинулось на урочище. К 10 часам утра выстроенные казачьи ряды ожидали приезда из Новочеркаска полковника Левениха. Вдруг все заволновалось: показался скачущий казачий дозор и следом — легковые машины. Грянула команда, оркестр заиграл встречный марш и из машины легко выпрыгнул в полной казачьей форме молодой донской офицер — хорунжий Галдин, адъютант Войска Донского; затем вышел полковник Левених и немецкие офицеры. Два немецких унтер-офицера возложили венок на место бывшей часовни, разоренной большевиками.

После торжественного приветствия германских представителей, начальником штаба Войска Донского была прочтена историческая грамота царя Алексея к донцам, покорившим турецкую крепость Азов, как аванпост турецкой армии и тем самым прекратившим возможность турецкой угрозы России с донских степей.

Полковник С. Павлов

Рассказ казака

Мы занимали оборону недалеко от Таганрога. Большевики после нескольких безуспешных, но кровопролитных атак, притаившись, умолкли.

Смеркалось. Мы задавали ночной корм лошадям. Вдруг раздалась команда:

— Построиться без коней!

— Братцы, есть опасное и важное дело, — сказал наш командир. Большевики что-то замышляют. Нужно пробраться к ним поближе и разведать. Мне нужно 20 человек. Кто пойдет со мной — шаг вперед.

Чеканный шаг — и весь взвод на метр приблизился к командиру. Он улыбнулся и сказал:

— Мне нужно только 20 человек. Ну, хорошо, тогда я отберу сам.

Подобравшись совсем близко к линии большевистских позиций, мы спешили, и коноводы повели лошадей в кустарник.

Только мы прилегли к земле, чтобы пробраться вперед, как предутреннюю тишину прорезала очередь автомата. С одной, потом с другой стороны. Огонь усиливался. Мы почувствовали, что попали в окружение.

— К лошадям! коротко выкрикнул командир. Мы поползли к кустарнику. Пули со свистом взрывали землю, обдавая нас пылью.

Кольцо суживалось.

— Ну, братцы, решайте: сдаваться или прорываться, — сказал командир, когда мы подползли к коням.

— Прорываться, господин лейтенант, — ответили дружно казаки.

— По коням! — раздалась команда. — За мной в атаку! Ура!

Кони рванулись. Засвистели в воздухе клинки.

— Бей хриstopродавцев, жидовских защитников! — слышалось сквозь шум.

Русская команда и брань вояк, разгоряченных нача-

лом боя, парализовали действия красноармейцев. Смолкли автоматы, на мгновение прекратилась стрельба.

И вдруг, когда наши кони вплотную подошли к цепи противника, с земли поднялся высокий красноармеец и закричал, что было мочи:

— Стой, хлопцы! Не рубать, мы же русские! Кого убивать хотите?

За ним вскочили другие, с поднятыми руками и без оружия. Наши клинки тоже опустились вниз.

— А вы в кого стреляете? — заговорил наш лейтенант.

— Разве мы по своей воле, заставляют заградители. Ей-ей не стреляли бы.

— Вдруг раздался выстрел, за ним второй. Пуля просвистела над головой лейтенанта.

— Кто стреляет? — грозно закричал боец, поднявшийся первым.

— Уже не будет стрелять, — ответил ему издали голос. — Это наш заместитель командира взвода по политчасти вздумал пострелять. А я его черепок попробовал.

— Вот здорово получилось, — продолжал тот же боец. — Кабы так сходиться, все красноармейцы перешли бы на вашу сторону. Никого из вас не убили, не ранили?

— Нет.

— Вот хорошо! Знаете, трудно перейти к вам. Следят за каждым. Мы были в дозоре, и как заметили вас, так помкомвзвода, тот, кого Головки ухлопал сейчас, говорит: «Товарищи, нужно немцев живьем забрать всех». Орден наверное хотел заработать... Ах, черт побери, как ладно все получилось. Лица перебежчиков светились радостью.

43 человека с оружием присоединились к нашему взводу. Разведка прошла успешно. Перешедшие дали много интересных и важных сведений, а через несколько часов батарея и авиация разбили все планы готовившейся новой атаки большевиков.

Миусский участок фронта.

Н. Нелидов.

Почему я противник большевизма

Я — сын вольного Дона, вся моя жизнь связана с традициями казачества. Много горя и лишений перенесли казаки за годы советской власти, много пролили слез наши матери и сестры.

Из воспоминаний раннего детства часто воскресают в моем воображении картины проводов казаков в Добровольческую Армию, на борьбу с советской властью. Сверкающие серебром и золотом погоны офицеров, красные лампасы и завитые чубы казаков, гордо сидящих с пиками на боевых ретивых конях, заставляли усиленно биться мое юное сердце. Вся станция провожала их. Женщины закрывались платочками, старики молча, серьезно поглядывали сквозь густые поседевшие брови на свою плоть и кровь.

Потом все красивое исчезло из моей жизни. Начался кошмар; пришли оборванные, грязные, голодные красные, начались грабежи. Унижениям, преследованиям и репрессиям не было конца.

Казачество затаило непримиримую злобу против большевизма. Чувство мести росло и крепло.

Растеряв всех родных в борьбе с советской властью, я тогда же понял свою роль в борьбе.

Грянула война, я шел на фронт с мыслью вести активную борьбу против советского правительства.

«Эта война принесет свободу моему народу», — твердил я всегда. С этой мыслью я смело перешел к немцам и при первой же возможности стал на стороне активных борцов антибольшевистского фронта.

Я — народный мститель.

Вот уже полтора года я борюсь с оружием в руках против сталинской деспотии, мстя за свою разрушенную жизнь, мстя за истерзанные седины тихого Дона. Миллионы загубленных жизней — вот счет, предъявленный мною большевистскому правительству.

Стар. лейтенант Н. Донской.

ВАШИ ПИСЬМА И РУКОПИСИ

для журнала

«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»

посылайте по адресу:

Schriftleitung «Kosakenposten»

Feldpost № 28264

Последнее прости

Ночь и вьюга коверкают ст. Динскую.
Холодно. Голодно. Страшно.
Станица молчит. Молчит, наливаясь ненавистью.
Ночь... К крайней хате подходят люди. Стучат. Долго,
упорно.

— Открывай, тетка!

Никто не отвечает. Вламывают дверь. Входят воору-
женные, изжеванные холодом, злые.

— Почему не открывала, кулачка?

— Так я ничего не чула!

— Сейчас почувешь, гадина.

Говорящий размахивается. Женщина плачет.

— Та за що ж?

— Где мужик?

— Никита! Тебя гукають!

В комнату вошел седоусый казак. Молча поклонился.

А в глазах плавала тяжелая ненависть.

— Собирайся! Вещей много не бери. Со всей своей бан-
дой собирайся. Живо!

— Куда собираться?

— Куда? Высылаем тебя как кулака!

— Супрунов! Выгоняй всю банду на улицу.

Прикладами чекисты выгнали на улицу семью. Мать,

дочь, семилетнего мальчика и казака отца. Выгнали на
улицу раздетых.

Метель обрадовалась. Новые жертвы есть. Набросилась,
злая. Дети заплакали. Спотыкаясь, шли по сугробам.
Шли...

А на вокзале стонущая толпа... Плач, детский крик,
проклятья.

— Мамошка. Исты хочу...

— Православные, замерзаю.

Оцепившие вокзал чекисты зашевелились. Раздались
злые крики, вперемежку с матерщиной:

— Садись, кулачье... мать...

— Загоняй их прикладами.

— Товарищ командир. Этот кулак не хочет залезать в
вагон.

— Стрелять!

Выстрел... И нежный белый снег окрашивается кровью.
Падает старый казак. Его руки долго мнут сугробы.
Ищут... Что же? И замирают, потянувшись к измученной
холодом земле. Земля, родная земля. Ты вспоила и вы-
растила казака. Люди с малиновыми петлицами назвали
его своим врагом. Он убит... И как последнее прости,
шлет он тебе это пожатие обессиленной смертью руки.

Клич старых казаков

Сербия, начиная с 1921 года, сделалась центром
кубанской эмиграции. Сюда переехал с а. Лемное Кубан-
ский корпус во главе с генералом Фостиковым, Кубан-
ская краевая рада и другие учреждения Кубанского
края. Здесь кубанцы получили свои кубанские регалия и
другие войсковые ценности, эвакуированные по настоя-
нию генерал-лейтенанта А. П. Филимонова, бывшего до
занятия большевиками Кубани войсковым атаманом.

Это войсковое имущество находилось в военном музее.
Оно было вывезено с Кубани особо избранной специаль-
ной комиссией в составе генерал-лейтенанта Кокунько,
полковника Белого и других.

Кроме регалий и разных грамот, кубанцы эмигранты
свято хранят знамена существовавших ранее войсковых
строевых частей — полков 1, 2 и 3 хоперских, лабнских
кубанских, линейных, запорожских, екатеринодарских и
полтавских и, в порядке их номеров, знамена пластун-
ских батальонов.

Сейчас хранением их ведают кубанский войсковой ата-
ман генерального штаба генерал-майор В. Г. Науменко
и войсковой штаб Кубанского войска, начальником кото-
рого состоит генерал-майор К. Г. Булгаков.

Все военные, общественные и административные орга-
низации старого казачества сохранены полностью. Со-
хранены в чистоте все обычаи, уклады и традиции ку-
банских казаков. Кубанцы сохранили полностью военную
жизнь своей дивизии с офицерским составом и вахми-
страми, урядниками и казаками. Еще живы казачьи гене-
ралы: А. П. Филимонов, А. Г. Шкуро, М. А. Фостиков,
Б. М. Ткачев, М. К. Соломахин, В. Г. Науменко, К. Г.
Булгаков, Голошапов, Тихоцкий, Данилов, Звягнецев,
Зборовский, Коровко, Кислый, Шапринский, Дейнега,
Репников и другие.

По инициативе Германского Командования в августе
1941 года сформированы 1, 2 и 3 казачьи полки, которые
уже действовали против партизанских банд в Сербии. Ку-
банцы не раз одерживали лихие победы над противником,
располагавшим во много раз превосходящими силами.

Среди кубанских казаков, находящихся в Сербии царит
полное единство и братство.

Выполняя свой воинский долг вдали от любимой Ку-
бани, они живут надеждой на скорое возрождение роди-
ны, казачества, его вековой славы, укладов, обычаев,
священных традиций!

Единство, братство и казачья свобода служат для них
высшей святыней. К этому они зовут всех честных уце-
левших от сталинского террора казаков.

Старый кубанец.

В станице Должанской

Казак Михаил Ж. имел возможность наблюдать дей-
ствия большевиков во временно занятых ими районах
Кубани.

«Советские войска, — рассказывает г-н Ж., — вошли
в станицу Должанскую 7 февраля. Немедленно по всту-
плении советское командование предложило бригадирам
община в течение ночи составить списки на всех мужчин
и к утру представить в совет. После представления спи-
сков все мужчины были разделены на две категории.
Военнопленные, раскулаченные и служившие при гер-
манской власти в различных станичных учреждениях
были собраны в отдельную группу и отправлены в Ейск
— судьба их неизвестна. Все остальные мужчины с 1927
года рождения были мобилизованы, и им предложено бы-
ло явиться 11 февраля на призывной пункт.

Любопытен и поучителен так называемый медицинский
осмотр призванных. Когда мужчины явились на призыв-
ной пункт, представитель красной армии объявил со-
бравшимся, что если кто из них болен пусть заявит об
этом. Начали заявлять о различных болезнях. На все эти
заявления ответ был один — годен. Освобождались явные
калеки — без руки, без ноги. Все призванные были от-
правлены в ст. Старошербиновскую, где в течение трех
недель проходили военное обучение. Учили главным
образом разбору винтовки и козырянию советским офи-
церам. После такого «обучения», без обмундирования, в
своей одежде и обуви, призванные были отправлены на
фронт. При отправке на фронт продуктов не выдавали,
а на 3—5 человек выдали по одной винтовке. Н. Илов.

Донские атаманы

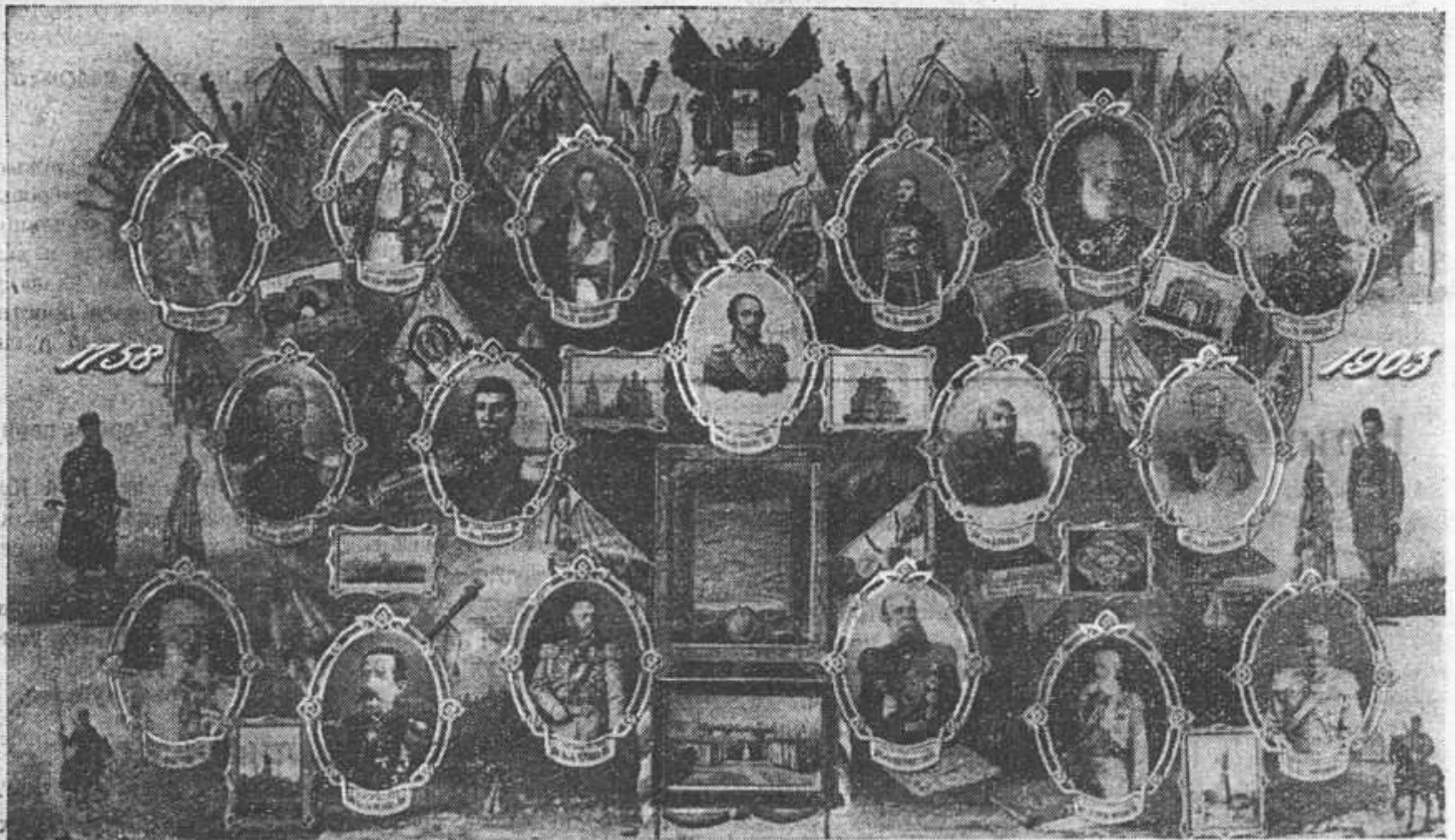
Первый донской атаман, имя которого встречается в исторических актах — Сары Азман. На него жалуется в 1549 году ногайский хан Юсип царю Ивану Грозному. Этот документ и служит поводом для некоторых исследователей исторического прошлого Донского казачества считать 1549 год началом существования этого казачества.

Немного позже, а именно при покорении Казани (1552 г.), донцы принимали участие под начальством атамана

казак.

Первым выборным войсковым атаманом революционного периода был войсковой старшина Евгений Андреевич Волошинов. 2 июля 1917 года он был сменен избранным Кругом атаманом Алексеем Максимовичем Калединым, генералом от кавалерии, генерального штаба, казак Усть-Хоперской станицы, застрелившийся 11 февраля 1918 г.

Вместо А. М. Каледина, частным совещанием депута-

Атаманы Войска Донского с 1758 по 1903 год.

Репродукция с редкой фотографии, оформленной на фоне изображений казачьих реликвий, эмблем, знаков атаманской власти, исторических зданий, и пр. Сверху — войсковой герб имперских времен. Портреты Атаманов расположены в следующем порядке: 1-й ряд, слева направо: Д. Е. Ефремов, С. Д. Ефремов, А. И. Иловайский, В. П. Орлов, А. К. Денисов, А. В. Иловайский. 2-й ряд — И. А. Адрианов, Д. Е. Кутейников, граф М. И. Платов, М. Г. Власов, М. Г. Хомутов. 3-й ряд — гр. П. Х. Граббе, А. Л. Потанов, М. И. Чертков, Н. А. Красноутский, кн. Н. И. Святополк-Мирский и К. К. Максимович.

Сусара Федорова, а участниками покорения Астрахани (1556 г.) были донцы-атаманы Павлов и Ляпун, имена которых встречаются в актах 1554-1566 годов.

До Петра Великого атаманы выбирались без всякого влияния и давления со стороны Москвы и утверждению центральной властью не подлежали. В 1709 году был избран атаманом Петр Рамазанов. Выборы прошли под давлением царя и были им утверждены.

Последний выборный атаман, утвержденный Петром Великим особым указом — Василий Фролов (1716-1723).

Далее уже следует ряд назначаемых правительством «наказных» атаманов. Этот ряд начинается Андреем Ивановичем Лопатыным (1723-1735), перед которым был избран, но не утвержден первый донской бригадир Иван Матвеевич Краснощеков.

До 1836 года атаманы назначались из казаков. При последнем атамане из казаков, генерале М. Гр. Власове, была учреждена должность начальника штаба.

Начиная с генерала Мих. Хомутова (1848-1862) и до революции 1917-го года «наказными» атаманами были не-

тов Круга был избран генерал Анатолий Михайлович Назаров (12 февраля 1918 года). 25-го февраля он был арестован ворвавшимися в Новочеркасск большевиками и вскоре расстрелян.

После этого походный атаман генерал П. Х. Попов, сцелевший от развала группой донцов, совершает «Степной поход».

В апреле 1918 г. восставшее казачество свергло большевистскую власть и Круг спасения Дона 16 мая избирает атаманом генерала Петра Николаевича Краснова, казака Каргинской станицы.

19-го февраля 1919 года Войсковой Круг принимает отставку атамана и на его место избирает генерала Африкана Петровича Богаевского, казака Каменской станицы.

Последний избранный на Дону атаман А. П. Богаевский скончался в октябре 1934 года в Париже, и ныне донцы борются за наступление того дня, когда по словам их войскового гимна «сзовет Дон своих детей в Круг державный и всенародною душой выберет атамана».